

Къ сожалѣнію, работа эта до сихъ поръ велась врозь, вразбродъ.

Не только отдѣльныя согласія не объединены въ общей борьбѣ за прогрессъ старообрядчества, но и живыя силы въ предѣлахъ одного согласія работаютъ по одиночкѣ, не спаянныя и не собранныя.

При этихъ условіяхъ, само собою разумѣется, результаты работы слабы. Не можетъ идти дѣло самообразования, религіознаго осознанія себя, безъ кружковъ общей работы, безъ библиотекъ, бесѣдъ и споровъ.

Невозможна организація; сила, для какого угодно просвѣтительнаго, культурнаго, благотворительнаго дѣла, когда нѣтъ центровъ объединенія. Невозможна и успѣшная самозащита, охрана интересовъ старообрядчества для цѣлаго.

Нѣтъ еще церкви, когда двое тоскуютъ о Воскресшемъ по дорогѣ въ Эммаусъ, двое на берегахъ Виесаиды, одиннадцать въ уединенной Сіонской горницѣ. Тогда еще не время для пятидесятницы.

Нѣтъ и сильной общины, гдѣ нѣтъ объединенія.

Недавно состоялись попытки перваго объединенія живыхъ молодыхъ старообрядческихъ силъ для общей работы.

Ищущіе и нашедшіе, молодые искатели работы и твердые старые работники спланиваются въ союзъ.

Да будетъ благословенъ часъ этихъ первыхъ собраній.

Единеніе, единеніе необходимо намъ.

Когда въ сумеркахъ собираются ученики Христовы, пусть даже пока въ чемъ-нибудь не единомышленны, они могутъ ждать Христа входящаго „черезъ затворенныя двери“ туда, куда собрались во имя Св. Духа и пятидесятницы.

Работа велика, дѣлателей мало. Да выйдутъ же дѣлатели на ниву свою.

Епископъ Михаилъ.

Отъ Геосиманскаго сада до Голговы.

„Это Отрокъ Мой... (Онъ) тростника надломленнаго не переломить и льна курящагося не угасить“... Мѡ. XII, 18—20.

„И (Онъ) къ злодѣямъ причтенъ“... Марк. XV, 28.

Какъ много сказано о Христѣ этими краткими словами пророковъ. Какъ это сильно: „Трости надломленной не сломить и льна курящагося не угасить“. И вѣрны слова этого пророчества: всю жизнь Онъ былъ „кротокъ и смиренъ сердцемъ“ (Мѡ. XI, 29), всю жизнь Онъ отдалъ людямъ, уча ихъ правдѣ Божіей, „исцѣляя всякъ недугъ и всяку язю въ людехъ“ (Мѡ. IV, 23), и за это былъ „къ злодѣямъ причтенъ“ (Марк. XV, 28), отданъ на

пытки и распять на крестѣ. Вотъ человѣческая благодарность за принесенную пользу... за любовь, къ человѣку проявленную...

.....
 Ночь, полная жуткаго мрака. Спаль глубоко старый Иеросалимъ. Не спали только злодѣи—„первосвященники“, „книжники“ и „фарисеи“. Священники Бога Вышняго, книжники всю жизнь изучавшіе Законъ Божій, святыя Его вельнія, фарисеи—набожные люди, всюду показывавшіе свою высокую набожность и полную покорность вельніямъ Закона Божія. Имъ

Иуда предатель.

было не до сна,—Тотъ, Галилеянинъ, изъ Назарета, сынъ плотника, сынъ Маріи-дѣвицы, страшно беспокоилъ ихъ. Его огненные обличенія жгли ихъ позорную совѣсть, не давали имъ покоя, ихъ томилъ страхъ, что народъ пойметъ ихъ позорное поведеніе, раскуситъ ихъ внутреннее разложеніе и отвернется отъ нихъ, пойдя вслѣдъ за Ісусомъ... Надо спѣшить, думали они.

Надо спѣшить, пока еще не весь народъ увлеченъ этимъ „обманщикомъ“... И они спѣшили... Они искали способовъ покончить съ Нимъ. Но къ ужасу ихъ, у нихъ до сихъ поръ ничего не выходило: не было причинъ, возможности обвинить Его. Но въ эту ночь недаромъ не спали они: одинъ изъ двѣнадцати приближенныхъ къ Нему обѣщалъ имъ предать Его. Предать за ничтожную плату... за тридцать серебряныхъ монетъ невысокой стоимости!..

Они нарядили свору—всякаго сброда, вооружили ее и, подкрѣпивъ случайными римскими солдатами, отправили подъ водительство предателя изловить этого „обманщика“. пользуясь темною ночью.

Искони дѣла нечестія, дѣла тьмы, творятся въ сумракѣ ночи... и чѣмъ позорнѣе дѣла, тѣмъ мрачнѣе выбирается ночь... Такова тактика духа тьмы.

Пустынный садъ. Мракъ ночи, усиливаемый густою тѣнью маслинъ. Низко ползущія облака. Порывы вѣтра... На сердцѣ жуть. Боязливый шопоть и глухой шумъ идущей толпы. Иногда лязгъ мечей... Впереди предатель... Факелы, увеличивающіе окружающій мракъ...

Вдругъ голосъ: „Кого вы ищете?“ Всѣ остановились въ трепетѣ и ужасѣ. „Кого вы ищете?“ снова вопросъ. — Исуса Назорея, — отвѣчаютъ робко. „Это я...“ (Іоан. XVIII, 5—8). „Что это вы, точно на разбойника, вышли съ мечами и кольями, чтобы взять меня?.. Каждый день бывалъ я въ храмѣ и вы не поднимали на меня рукъ. Но теперь—ваше время и власть тьмы... Берите!“ сказалъ Спаситель.

Его взяли и повели.

Ученики разбѣжались... Отсюда начались тѣ жестокія страданія и то жестокое поруганіе, которыя продолжались до самаго послѣдняго вздоха Его на крестѣ. Страданія, которыхъ Онъ не заслужилъ. Но Онъ „язвень бысть за грѣхи наша и мучень бысть за беззаконія наша, наказанія міра нашего на Немъ, язвою Его мы исцѣлехомъ!“ (Исаи LIII, 5).

Долго, мучительно долго, длилась эта позорная для человѣчества ночь, во мракѣ которой злая, порочная воля человѣка издѣвалась надъ Всесовершенствомъ... Привели Его въ домъ первосвященника на позорный допросъ. Позорный не для Него, а для враговъ Его. Измученное волненіями дня и ночью тяжелой молитвою—тѣло Его требовало отдыха. Но... этотъ отдыхъ ждалъ Его на крестѣ послѣ жестокихъ, невыносимыхъ страданій—въ покоѣ смерти... Онъ зналъ, на что шель, и воля Его была тверда.. но тѣло, человѣческое тѣло, оно мучительно должно было страдать. Недаромъ не спали враги: отъ нихъ пощады уже нельзя было ожидать, а надо было быть готовымъ пить всю чашу страданій до дна. А какъ глубока и полна была эта чаша горечи!..

Было за полночь, когда привели Его къ первосвященнику, проведя пустынными и безмолвными улицами города. Тотъ не спалъ, ожидая, и тотчасъ же, со всею злобою, кипѣвшею внутри его злобнаго сердца, приступилъ къ допросу. Это былъ Анна, отставной іерархъ-чужеземецъ (александрійскій еврей), одинъ изъ числа „порожденій ехиднина“, собственно даже не имѣвшій права на допросъ, не только потому, что былъ позоренъ своимъ поведеніемъ, но и потому, что онъ уже не былъ первосвященникомъ въ то лѣто. Отвѣты Христа своею прямою морально били его по лицу. Но это только усиливало ярость и злобу Анны и его клеветовъ, такъ что одинъ изъ клеветовъ его не выдержалъ злобы своей и съ крикомъ: „Такъ-

то ты отвѣчаешь первосвященнику!“ впервые зашилъ Христа позорнымъ ударомъ во святую ланиту. Только огромная, именно Божественная сила воли могла такъ спокойно перенести это оскорбленіе, ибо мы знаемъ, что когда это же самое случилось съ Павломъ (апостоломъ), такъ тотъ не вынесъ этого и отвѣтилъ на это жестокимъ укоромъ: „Богъ будетъ бить тебя, стѣна подбѣленная“ (Дѣян. XXIII, 3). А Онъ, Сынъ Божій, безконечно превысшій всѣхъ апостоловъ и ангеловъ, только спокойно упрекнулъ: „Если я сказалъ худо, докажи, что худо, а если хорошо, за что же бьешь меня?..“ Ничего не добившись отъ Христа могущаго послужить къ обвиненію, этотъ невѣрующій саддукей - первосвященникъ (Анна) отослалъ Его къ своему зятю— Іосифу Каіаѳѣ, такому же невѣру-саддукею, и уже совсѣмъ не милостію Божіею, а просто милостію римскаго прокуратора бывшему на тотъ годъ официальнымъ первосвященникомъ.

Каіаѳа стоилъ своего тестя во всемъ, если только былъ еще не хуже его— коварный, злой и беззастѣнчивый. Въ его домѣ, находившемся въ четырехугольникѣ того же двора, что и домъ Анны, былъ произведенъ второй допросъ, такой же частный и такой же незаконный. Тамъ собрались самые смертельные враги Христа изъ священниковъ и саддукеевъ. Удивительно: простодушные апостолы не могли часа бодрствовать (въ саду Геосиманскомъ), а эти гнусные злоумышленники, пылая смертельною злобою къ неповинному, не спали цѣлую ночь.

Для законнаго состава синедріона должно было собраться не менѣе 23 членовъ его. И они собрались. И безошибочно можно сказать, что большинство изъ собравшихся состояло *изъ священниковъ*... Всякаго рода обвиненія сыпались на голову Христа, вплоть до показаній лжесвидѣтелей, но всѣ заявленія лжесвидѣтелей падали сами собою благодаря самопротиворѣчіямъ, такъ что даже и эти несправедливые и ожесточенные судьи не могли обосноваться на нихъ. Еще выступали лжесвидѣтели, но и ихъ лжесвидѣтельства падали снова. Христосъ стоялъ и молчалъ, давая полную волю имъ путаться въ своихъ лжесплетеніяхъ. Это величественное молчаніе угнетало и невыносимо раздражало судей. Имъ казалось, что не этотъ связанный по рукамъ Назарянинъ—подсудимый, а они сами, а Онъ былъ судьей. Казалось имъ, что замыселъ ихъ рушится... Тогда яростно вскочилъ Каіаѳа и вскричалъ: „Что же ты ничего не отвѣчаешь, что они противъ тебя свидѣлствуютъ?“ Но снова величавое молчаніе.— „Заклинаю тебя Богомъ Живымъ—скажи намъ: ты ли Христосъ Сынъ Божій?“—снова, уже изступленно, закричалъ Каіаѳа. Но это уже, въ сущности, былъ крикъ отчаянія, потерянныхъ надеждъ. Станный, непослѣдовательный вопросъ, обращенный къ связанному, беззащитному, уже почти осужденному человеку; вопросъ еще болѣе странный въ устахъ первосвященника своего народа... И только теперь послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ съ присо-вокупленіемъ: „И вы узрите Сына человѣческаго, сидящаго одесную Силы и грядущаго на облакахъ небесныхъ“.

И вотъ за это признаніе Его приговорили къ смерти.

„Онъ богохульствуетъ! — кричалъ Каіафа. — Какихъ еще надо свидѣтельствъ?! Смерть Ему!..“ И все темное судилище ему вторило. Этимъ и закончилась вторая часть суда надъ Христомъ.

Такъ-то приняли іудеи 2000 лѣтъ ожидаемаго ими Мессію!

Его оставили подъ стражей до разсвѣта, ибо настоящій судъ долженъ былъ совершиться только днемъ при полномъ составѣ синедріона, но зато теперь уже всякій имѣлъ право издѣваться надъ Нимъ и причинять ему обиды. Его толкали, били, оскорбляли, плевали въ лицо. Но все это было ничто въ сравненіи съ тою моральною пыткой, которую пришлось пережить Христу въ эту ужасную ночь, когда Онъ среди ужасныхъ мученій тѣлесныхъ услышалъ, какъ Его любимый апостоль, которому Имъ были ввѣрены ключи Царствія, настойчиво, съ клятвою отрекался отъ Него, увѣряя, что онъ даже „не знаетъ сего человѣка“ (Мѡ. XXVI, 72). Можно ли себѣ представить состояніе души человѣка, оставленнаго всѣми близкими, преданнаго жестокимъ врагамъ, мучимаго тѣлесно и нравственно и къ тому же слышащаго какъ самый ревностный послѣдователь его въ страхѣ отрекается отъ него? Можно ли придумать что-либо болѣе мучительное?.. Это была чаша горечи, о которой Онъ такъ усердно молился, чтобы она минула Его... Но Отецъ судилъ иначе: ее нужно было испытать полностью, до дна.

Мы знаемъ, что къ утру бессонная ночь убиваетъ всякую волю человѣка... Тѣло, измученное бодрствованіемъ, властно требуетъ покоя, отдыха... Но не то было суждено Христу: не отдыхъ и покой предлагался ему, а заушенія, поруганія и оплеванія со смертью на крестѣ не дальше какъ солнце взойдетъ. Въ караульнѣ, куда Онъ былъ отведенъ солдатами, на него обрушилась вся невѣжественная злоба фанатической ненависти, все дерзкое нахальство грубой толпы, вся холодная жестокость, скрывающаяся подъ маской приниженнаго восточнаго раболѣпства. Величавость Его смиренія только вызывала ихъ низкое, злорадное демонское звѣрство. Они плевали ему въ лицо, били палками, кулаками, надѣляли пощечинами. Завязавъ ему глаза, они устроили себѣ нѣчто въ родѣ забавы за счетъ Его страданій. Учащенно ударяя Его по лицу, они насмѣшливо спрашивали: „Прореки намъ, Мессія, кто ударилъ Тебя?“ Такъ забавляясь коротали они время, ожидая разсвѣта, вымещая на Его безотвѣтной невинности свою настоящую подлость и прежній страхъ предъ Нимъ... Посреди этой наглой дворни, съ завязанными глазами и скрученными руками, въ тягостномъ безмолвномъ страданіи, беззащитно и одиноко стоялъ Сынъ Божій... Христосъ былъ поруганъ. Судія былъ осужденъ. Святѣйшій оказался преступникомъ. Избавитель связанъ!.. О подлость челсвѣческой природы!!!

Однѣ пытки шли за другими, кроваво чередуясь безъ конца: съ разсвѣтомъ, и не далѣе какъ около 6 часовъ утра, Христосъ уже стоялъ передъ полнымъ синедріономъ, т.-е. передъ высшимъ еврейскимъ судилищемъ. Весь составъ его, за исключеніемъ только Никодима, Іосифа Аримаѳейскаго

и, возможно, Гамалиила, былъ за преданіе Его смертной казни. Да и какъ же они могли думать иначе,—вѣдь тутъ были священники, алчность и себялюбіе которыхъ Онъ укорялъ; старѣйшины, лицемѣріе которыхъ Онъ обнажалъ; книжники, невѣжество которыхъ онъ изобличалъ, и больше всѣхъ преданные мірскимъ интересамъ, скептическіе, якобы философствующіе саддукеи, самые жестокіе и опасные изъ противниковъ, пустую мудрость которыхъ Онъ такъ позорно раскрывалъ. Откуда же у нихъ, такъ жестоко Имъ обиженныхъ, могло явиться чувство справедливости, или по крайней мѣрѣ состраданія? Естественно, что они жаждали Его смерти.

Какъ удивительно, обычно удивительно складываются обстоятельства во всѣ дни жизни земли и живущихъ на ней: тѣ, кто поистинѣ долженъ бы быть на каторгѣ или висѣлицѣ, тѣ обычно приговариваютъ къ этому другихъ; тѣ, кого съ позоромъ надо бы изгонять изъ среды общества, обычно занимаютъ самыя почетныя мѣста и клеймятъ позоромъ и изгнаніями невинныхъ. Это самое случилось и здѣсь: люди низкіе, подлые въ душѣ и поступкахъ, преступники, люди невѣрующіе ни въ Бога, ни въ дьявола (саддукеи), судили отъ имени Бога и религіи Того, кто и посланъ отъ Бога только для того, чтобы очистить религію отъ той грязи, въ которую ее облекли эти мерзавцы. Люди, издѣвавшіеся надъ простою вѣрою народа, обманывавшіе простой народъ, эксплуатировавшіе эту вѣру и кощунствовавшіе надъ нею своими поступками, обличали Сына Божія въ богохульствѣ! Не чудовищное ли это зрѣлище!.. Но они даже не сознавали этого, будучи ослѣплены самовлюбленностію и злобною яростію къ своему обличителю. Судъ былъ недологъ: Христа приговорили почти единогласно къ смертной казни. Этимъ и закончилась третья часть суда надъ Нимъ.

Судить они могли, но выполнить казни имъ права не было дано, а главное—обычные способы еврейской казни не удовлетворяли этихъ кровожадныхъ гіенъ. Удавить, или камнями побить, какъ это было принято у нихъ, это слишкомъ неудовлетворительно казалось имъ; имъ нужна была смерть Христа болѣе жестокая, ужасная, а главное—болѣе позорная, проклятая, а такую—считалась тогда смерть на крестѣ, ибо сказано: „Проклятъ отъ Бога всякъ висѣй на дрѣвѣ“ (Второзак. XXI, 23. Галат. III, 13). Эта казнь была обычаемъ римлянъ. А потому евреи, всѣмъ кагаломъ, во главѣ съ первосвященниками, повели Христа къ прокуратору Іудеи Понтію Пилату, требуя отъ него распятія Христа. Это было не позже, какъ около 7 часовъ утра. Пилать хотя былъ и жестокой человѣкъ и скептикъ, но воспитанный въ пониманіи римскихъ законовъ и чувствѣ римской справедливости, не хотѣлъ несправедливо осудить Христа, тѣмъ болѣе, что у него были причины срашно ненавидѣть этихъ мерзавцевъ, подлости которыхъ и узость ихъ фанатизма онъ зналъ хорошо, а поэтому онъ требовалъ доказать виновность Христа. Голословнымъ обвиненіямъ онъ не вѣрилъ, ибо отлично видѣлъ, что всѣ обвиненія суть только измышленія злобы кровожаднаго фанатизма. Онъ окончательно не хотѣлъ позорить римскихъ законовъ, утвер-

ждая приговоръ, въ которомъ онъ, какъ представитель гражданской власти, не принималъ участія, а поэтому онъ имъ и предложилъ: „Возьмите Его и по закону вашему судите“. Но эти хитрыя гіены вынудили и Пилата согласиться съ ними, ибо они Христа выставили не какъ богохульника, повиннаго только предъ еврейскимъ закономъ, а какъ преступника политическаго: „Онъ развращалъ народъ, кричали они, Онъ запрещалъ платить подати царю и называлъ себя царемъ“. Но Пилатъ всетаки не сдавался и торжественно объявилъ: „Я никакой вины не нахожу въ Немъ“. Однако это только подлило масла въ огонь. Страсти толпы разгорались и толпа настойчивѣе приступила къ Пилату. Не имѣя возможности отдѣлаться отъ требованія толпы и не желая всетаки брать на себя бремени несправедливаго обвиненія, онъ рѣшилъ увернуться и потому отправилъ Христа къ Ироду Антипѣ, четверовластнику Галилеи, какъ галилеянина, надѣясь, что тотъ своею властью покончитъ этотъ вопросъ. Антипа прибылъ въ Іерусалимъ на дни празднованія Пасхи и остановился, вѣроятно, во дворцѣ Асмонеевъ, служившемъ резиденціей іудейскихъ царей. Это была личность, отвратительнѣй которой не отыщешь въ исторіи, безобразный, распущенный саддукей-идумеянинъ, утопавшій въ преступленіямъ и крови. И вотъ къ нему-то повели Христа по длиннымъ узкимъ улицамъ города въ сопровожденіи собравшейся огромной толпы, безумно ревѣвшей яростнымъ гнѣвомъ, подстрекаемой къ тому врагами Христа. Здѣсь Христосъ подвергся второму и болѣе злѣйшему поруганію отъ взбѣшеннаго Его величавымъ молчаніемъ на задаваемые вопросы этого царька. Въ насмѣшку надъ Его невинностью и бѣдностью онъ потомъ облекъ Его въ свѣтлыя праздничныя одежды и въ такомъ видѣ отправилъ обратно къ Пилату. Это былъ пятый допросъ.

Теперь Христосъ снова у Пилата. Здѣсь разыгралась послѣдняя, шестая, самая бурная и томительная фаза этого постыднаго суда надъ невиннымъ. Пилатъ, бывшій на подозрѣніи у императора за этихъ же самыхъ іудеевъ, три раза поднимавшихъ бунтъ за время его прокураторства, колебался и не рѣшался смѣло объявить Христа невиннымъ, хотя случай къ тому былъ и удобный: если Христа не осудилъ ихъ собственный царь, то какъ же онъ-то осудить невиннаго,—могъ бы онъ имъ сказать. Но онъ на это не рѣшился. Въ своей невольной слабости онъ намѣревался уступить требованіямъ толпы: „наказать Христа, предать Его публичному бичеванію, обеззавить Его предъ глазами ихъ, а потомъ отпустить, сохранивъ Ему жизнь“. Но и это не подошло. Наконецъ онъ рѣшилъ использовать давнишній обычай—право прощенія приговоренныхъ ради праздника Пасхи. Но это уже была собственно потеря права, ибо это уже было не дѣло настоящей справедливости, а дѣло случайной милости. Ему казалось, что такимъ способомъ ему удастся спасти хотя бы жизнь Христу.

Самъ онъ жестоко страдалъ отъ внутренняго волненія и нерѣшительности: онъ видѣлъ, что предъ нимъ стоитъ человекъ ни въ чемъ не повинный, нагло оклеветанный, которому по закону онъ долженъ не

только жизнь сохранить, но и оправдать его, а между тѣмъ онъ ясно видѣлъ, что въ силу роковыхъ обстоятельствъ онъ вынуждается произнести ему смертный приговоръ. Жена его Клавдія прислала къ нему просьбу— „не причинять вреда этому праведнику, ибо сновидѣніе ее предупреждало отъ этого“, и все-таки онъ чувствовалъ, что онъ не сможетъ его оправдать. Эти гнѣвы, жаждущія крови, ясно грозили ему доносами къ царю, а такъ какъ онъ былъ уже въ подозрѣніи у императора, то ему и приходилось опасаться за собственное благополучіе. Вотъ это-то все и дѣлало его нерѣшительнымъ. Потому-то онъ и прибѣгъ къ средству прощенія, думая на этомъ отыгаться. Но это ему не удалось. Толпа, дикая, подбитая священниками, яростно орала: „Освободи намъ Ісуса—Вар-авву“. Возмущенный этой новой низостью толпы, требовавшей освободить завѣдомаго разбойника и осудить невиннаго, Пилать съ презрительною насмѣшкою спросилъ: „Что же вы хотите чтобы я сдѣлалъ съ царемъ іудейскимъ?“

Тогда-то и загремѣлъ впервые неистовый крикъ:

— „Распни, распни Его!“

— „Какое же зло Онъ сдѣлалъ? Я ничего не нашелъ въ Немъ достойнаго смерти. Итакъ, наказавъ, я Его отпущу“.

Но толпа уже просто неистовствовала:

— „Смерть, смерть Ему! Отпусти Вар-авву!.. Распни, распни Его!“

Пилать уступилъ толпѣ и предалъ Христа на бичеваніе, освободивъ разбойника. Христа въ полусогнутомъ положеніи привязали руками къ столбу раздѣтымъ донага и затѣмъ били ременною плетью съ налитыми свинцомъ концами по вздрагивающимъ отъ напряженія мускуламъ и нервамъ спины. Часто удары случайно, а то и намѣренно, падали на Его голову и лицо. Это бичеванье мучительно, и потому жертва истязаній часто лишалась чувствъ, а иногда даже и умирала подъ ударами, не дождавшись распятія. Намъ невыносимо больно дѣлается, представляя себѣ Христа ни въ чемъ не повиннаго переносящимъ позоръ всенароднаго обнаженія и варварскаго истязанія послѣ бессонно проведенной ночи и цѣлаго ряда другихъ пытокъ и издѣвательствъ, которыя и безъ того истерзали Его. Но за этою жестокостью, отъ которой цѣпенѣетъ сердце и кровь застываетъ въ жилахъ, слѣдовалъ еще болѣе ужасный рядъ мученій и издѣвательствъ: надъ Нимъ продѣлали цѣлую церемонію надругательства—какъ надъ царемъ. Солдаты преторіи, не римляне (тѣ благороднѣе), а изъ подонковъ мѣстнаго населенія, разный наемный сбродъ, поволокли Его въ свою казарму и тамъ вволю натѣшились надъ беззащитнымъ, удовлетворяя своимъ звѣрскимъ инстинктамъ. Между прочимъ они облачили Его въ багряницу—знакъ царскаго достоинства, одѣли на голову корону-вѣнокъ, сплетенный изъ колючаго терна, въ руки дали трость на подобіе скипетра и издѣваясь—проходили мимо, воздавая ему царскія почести, въ то же время плюя и ударяя въ лицо и приговаривая: радуйся, Царь Іудейскій (Іоан. XIX, 3).

Что могъ испытывать въ эти моменты Страдалецъ, трудно высказать,—это можно только чувствовать сердцемъ.

Пилать не терялъ еще надежды освободить Христа и потому, когда избитаго, израненнаго Христа привели къ нему, онъ, снова допросивъ Его и не найдя въ немъ ничего достойнаго осужденія, въ третій разъ вывелъ Его къ народу съ цѣлью отстоять Ему жизнь. Но когда онъ, обращаясь къ бушующей черни, сказалъ: „Это царь вашъ“ (думая, видимо, этой насмѣшкой сыграть на ихъ національномъ самолюбіи), толпа снова заревѣла: „Распи, распни Его!“ Возмущенный въ свою очередь, Пилать воскликнулъ: „Царя ли вашего распну?“... И священники, потерявшіе всякое самообладаніе, какъ безумные закричали, отрекаясь отъ собственнаго національнаго достоинства и мессіанскихъ чаяній: „Нѣтъ у насъ царя, кромѣ кесаря!“ А толпа имъ вторила: „Если ты отпустишь Его, то ты недругъ кесарю!“ Этимъ Пилать былъ добить окончательно: это уже грозило ему потерей всего своего благополучія, и потому онъ произнесъ свое страшное согласіе на безумную казнь праведника, но предварительно умывъ руки въ своей невинности и добившись, чтобы толпа взяла на себя эту не повинно пролитую кровь: „Кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ!“ изступленно орала она, забывъ въ своемъ безуміи чувство всякой мѣры. И эта кровь Праведника доднесъ тяготѣетъ надъ несчастными потомками этихъ сумасшедшихъ. Поднесъ она льется во всѣхъ странахъ и народахъ и вѣроятно до конца міра будетъ проливаться...

Судъ совершился. Было уже около 9 часовъ утра. Три часа неистовствовала толпа, добиваясь смертнаго приговора!

Крестъ былъ готовъ. Христось переодѣтъ въ свои одежды. Положивъ крестъ ему на плечи, и безъ того уже израненныя, солдаты повели Его на мѣсто казни. Вмѣстѣ съ Нимъ вели туда же для распятія и двухъ разбойниковъ. Большое стеченіе народа въ Іерусалимъ благодаря приближенію праздника Пасхи дало огромную толпу, сопровождавшую это позорное шествіе къ мѣсту казни.

Становилось жарко—ибо день уже приближался къ полудню. Христось былъ смертельно истомленъ предшествовавшими днями, сильными переживаніями на вечера, нравственными потрясеніями въ саду Геосиманскомъ, безпокойствомъ и страданіями безсонной ночи, тремя допросами и тремя приговорами отъ іудеевъ, долгими томительными сценами въ преторіи, допросомъ предъ Иродомъ, звѣрскими и мучительными издѣвательствами, которымъ Онъ подвергался сначала отъ членовъ синедріона и ихъ слугъ, затѣмъ отъ тѣлохранителей Ирода и, наконецъ, отъ римской когорты. Все это вмѣстѣ взятое окончательно убило въ Немъ тѣлесную силу, и потому крестъ, Имъ несомый, былъ Ему не по силамъ. Онъ падалъ подъ его тяжестью и, несмотря на понужденія воиновъ, нести его Онъ былъ уже не въ силахъ.

Тогда воины сжалились надъ нимъ и заставили нести крестъ нѣкоего Симона Киринеянина.

Среди множества народа, среди собственно мужчинъ, Христось не вызывалъ сочувствія. И тѣхъ, что только за нѣсколько дней передъ этимъ громко кричали Ему: „Осанна, сыне Давыдовъ“, теперь уже какъ будто не существовало болѣе: ихъ или не было въ толпѣ ради страха или, скорѣе, они были, да ужъ перемѣнили свое отношеніе къ Нему. Таково человѣческое сочувствіе вообще: къ сильному тянутся, преклоняются, величаютъ; его же поверженнаго безжалостно топчуть ногами. Только женщины, какъ живущія больше не движеніями разума, а сердца, громкими воплями жалости протестовали противъ совершающейся нелѣпой несправедливости. И къ нимъ-то обратился Христось съ словами, обнаруживавшими, что со слабостію Его тѣла не ослабѣлъ Его Божественный Духъ: „Дщери іеросалимскія, не обо мнѣ плачьте, а о себѣ и дѣтяхъ вашихъ“, сказалъ Онъ. Это были великія слова Великаго духа. И дѣйствительно надо было плакать не о Немъ, а о себѣ и дѣтяхъ: Онъ обрекъ себя на крестъ, но мы своимъ жестокимъ безуміемъ ежечасно готовимъ себѣ тысячи мукъ въ будущемъ. Не къ однимъ только „дщерямъ Іеросалима“ относились эти слова и не къ тому только моменту жизни человѣчества, а ко всѣмъ людямъ вообще и ко всѣмъ временамъ, прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ. Люди вѣдь и теперь также злы, немилосерды, мстительны и жестоки. Даже тѣ, кто потомъ стали именоваться священниками Того же неправедно замученнаго Христа, въ свою очередь неправедно мучили тысячи людей и о, позоръ! во имя неправедно-замученнаго. И теперь люди тысячами распинаютъ другъ друга, если и не на крестѣ, то подобно сему, и распиная—не чувствуютъ ни угрызений совѣсти, ни жалости, а только живутъ чувствомъ злорадства, если „распятіе“ хорошо удается.

Страшная процессія приближалась къ лобному мѣсту, мѣсту по-еврейски звавшемуся „Голгоѳа“. Часъ распятія приблизился. Гнусное, позорное дѣло должно было сейчасъ совершиться...

Смерть на крестѣ помимо ужасныхъ страданій еще считалась самою позорною. Она у римлянъ была въ практикѣ исключительно для рабовъ и отъявленныхъ негодяевъ. У всякаго, кто видѣлъ распятаго, являлось немедленное отвращеніе и презрѣніе къ распятому. По еврейскому же закону она проклята. Вотъ именно причины, по которымъ „священникамъ“, „книжникамъ“, „фарисеямъ“ и „саддукеямъ“ такъ и хотѣлось добиться этой смерти для Христа. Имъ хотѣлось какъ можно сильнѣе опозорить своего Обличителя, измучить Его какъ можно жесточе и тѣмъ вызвать къ Нему отвращеніе въ народѣ.

Сначала распинаемыхъ растягивали обычно на крестъ въ лежащемъ положеніи на землѣ, раздѣвъ предварительно донага. Вбивали въ ладони рукъ и ногъ по огромному гвоздю, а затѣмъ уже кресты водружали въ стоячемъ положеніи, укрѣпляя ихъ концомъ въ заранѣе вырытой ямѣ. Иногда

ноги пробивались каждая отдѣльно, а иногда сразу обѣ—положенныя одна на одну. Иногда распятыхъ привязывали корпусомъ къ кресту, иногда же нѣтъ, но тогда подъ ноги придѣлывался небольшой выступъ, дабы тѣло могло на него нѣсколько опираться, ибо пробитыя руки не могли выдерживать долго тяжести тѣла и разрывались. Извѣстно, что Христосъ привязанъ не былъ. А надъ головою у него была прибита дощечка съ надписью на трехъ языкахъ: „Исусъ Назарянинъ Царь Іудейскій“.

Несмотря на всю мучительность распятія, распятыя долго не умирали, что несомнѣнно въ тысячи разъ увеличивало жестокия страданія. Самый ужасъ (невыносимость страданій) не тотчасъ же наступалъ, а тогда только, когда крестъ становился стойкомъ и тѣло всею своею тяжестью повисало на разрывающихся постепенно ранахъ. Вообразите себѣ весь ужасъ адской боли—висѣть на пробитыхъ желѣзными гвоздями рукахъ и ногахъ въ теченіе долгихъ, мучительно долгихъ часовъ подъ палящими лучами солнца, совершенно нагимъ предъ многотысячной толпою мужчинъ и женщинъ. Чтобы представить себѣ ужасъ болевыхъ ощущеній, попробуйте только поднять свои собственные руки на уровень плечъ и продержатъ ихъ въ теченіе только 5—7 минутъ протянутыми во всю длину, и вы увидите, что вы этого сдѣлать не въ силахъ отъ той боли, которая разовьется въ вашихъ плечахъ отъ тяжести собственныхъ, совершенно здоровыхъ рукъ. Послѣ этого вы ужъ поймете, какія невыразимыя боли испытывали несчастные—распятыя...

Смерть посредствомъ распятія дѣйствительно заключала въ себѣ все, что только могъ придумать дьяволъ самаго мучительнаго и нестерпимаго, притомъ переносимаго почти въ полномъ сознаніи: головокруженіе, судороги, жажду, голодъ, лихорадку, умоизступленіе, всенародный позоръ, длительность мученій, воспаленіе ранъ и ужасъ ожиданія смерти. И все это усиливалось настолько, насколько могло быть выдержано, не давая возможности страдальцу впасть въ безсознательность, что несомнѣнно облегчило бы страданія. Неестественное положеніе дѣлало всякое движеніе невыразимо болѣзненнымъ, воспаленныя вены и разорванныя жилы подергивались съ непрестанною болью; зіяющія раны все болѣе и болѣе заражались антоновымъ огнемъ; артеріи, въ особенности въ головѣ и желудкѣ, крайне надувались и напрягались отъ переполненія кровью, и ко всѣмъ этимъ постепенно усиливавшимся страданіямъ прибавлялась нестерпимая мука жгучей отчаянной жажды. Сочетаніе всѣхъ этихъ страданій причиняло такую внутреннюю тоску, которая самой смерти, этому страшному таинственному врагу, при одномъ приближеніи котораго обыкновенно содрогается человѣкъ, придавала видъ желанной и сладостной избавительницы. Отъ невыносимыхъ жестокихъ страданій—страдальцы приходили въ такое отчаянное неистовство, что начинали проклинать все и вся: отца и мать за то, что они ихъ породили, себя, людей, землю и небо, даже самого Бога. Наконецъ, въ смертельномъ отчаяніи, со слезами на глазахъ умоляли

І. Христосъ передъ крестомъ.

В

присутствующихъ враговъ своихъ предать ихъ поскорѣе смерти, чтобы сократить жестокія страданія. Отсюда много бывало примѣровъ, что осужденныхъ сначала душили или почти убивали, а потомъ уже распинали. Были также примѣры, когда осужденные большими подарками добивались этого ужаснаго, но благодѣтельнаго преимущества. Но бывали также и въ ту жестокую пору признаки состраданія у людей къ такимъ осужденнымъ. Римляне свою сострадательность проявляли тѣмъ, что наносили распятому ударъ подъ мышку, который хотя и не причинялъ смерти, но зато значительно ее ускорялъ (надо согласиться, и это все-таки состраданіе). Іудеи, основываясь на тогдашнемъ толкованіи гл. XXXI ст. 6—7 Притчей, давали казненному немедленно по распятіи глотокъ вина, приправленнаго сильнымъ усыпляющимъ средствомъ. Это одуряющее питье обыкновенно готовляли богатые женщины Іерусалима на свои средства и давали его всѣмъ казненнымъ независимо отъ симпатій. Первый способъ ко Христу не былъ примѣненъ, а отъ послѣдняго, отвѣдавъ, Онъ самъ отказался (Лук. XV—23). Очевидно, Онъ хотѣлъ смотрѣть всему ужасу распятія и смерти прямо въ глаза.

Изъ Евангелія мы видимъ, что, распинаемый, Онъ еще молился за мучителей, презирая весь ужасъ своего положенія: „Отче, говорилъ Онъ, прости имъ, ибо они не знаютъ, что творять!“ (Лук. XXIII, 34). И воистину—они не знали, что дѣлали. Они не сознавали окончательно, что они дѣлали дѣло дьявола—искони убійцы, какъ не знаютъ этого люди и теперь, мучая и распиная другъ друга по самымъ пустымъ причинамъ. Но много ли найдется способныхъ сказать такъ же, какъ сказалъ тогда Христосъ: Господи, прости имъ, они не сознаютъ что дѣлаютъ?

Вотъ такова-то была смерть, на какую былъ присужденъ Христосъ ни въ чемъ неповинный, о которомъ пророкъ говоритъ, что Онъ „трости надломленной не сломить и льна курящагося не угасить“. И вотъ Онъ-то „былъ къ злодѣямъ причтенъ“ по словамъ пророчества, ибо Онъ былъ распятъ среди двухъ злодѣевъ-разбойниковъ.

Правда, для Христа, измученнаго раньше, эта мучительная смерть наступила значительно раньше, но и Онъ томился на крестѣ съ полудня почти до захода солнца.

Не только народъ, но даже распятые разбойники, вѣроятно—товарищи прощеннаго Вараввы, преемники мятежныхъ неистовствъ Іуды Гавлонита, привыкшіе признавать одного только мессію—мессію меча и разбоя, съ ругательствами обращались ко Христу,—что если Онъ дѣйствительно мессія, то пусть спасетъ Себя и ихъ. Такимъ образомъ вокругъ Распятаго были только голоса богохульства и злобы. Низость, лживость, звѣрство, изступленіе,—вотъ съ чѣмъ нагло выступало челоуѣчество въ минуты послѣдняго угасанія земной жизни своего Спасителя, вотъ какой грязный потокъ челоуѣческаго нечестія бушевалъ передъ крестомъ—передъ меркнувшимъ взоромъ Христа.

А войны тутъ же, на глазахъ умирающаго, дѣлили одежды Его, бросая жребій.

Какая ужасная картина человѣческой мерзости...

Пока разбойники богохульствовали и издѣвались, часто впадая въ отчаяніе, слезы и мольбы о смерти, Христось молча переносилъ страданія, но это безмолвіе вмѣстѣ съ терпѣливымъ величіемъ, свѣтлымъ ореоломъ осѣнявшими лицо Его, были краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Это-то и образумило одного изъ разбойниковъ, заставивъ его покаяться, это поражало и народъ...

Въ Страстную субботу.

Но къ концу страданій и Его страданія достигли высшихъ предѣловъ, и Онъ, до дна выпивъ чашу униженія и горечи, претерпѣвъ не только лишеніе принятаго имъ на себя зрака рабія, но и послѣднее поруганіе, какое только человѣческая злоба можетъ причинить безпомощному рабу, произнесъ таинственное воззваніе, полнаго значенія [котораго никогда не постигнуть человѣку:

— „Или, Или! Лама савахвани?“, т.-е. Боже мой, Боже мой! для чего Ты меня оставилъ?..

Христось висѣлъ на дрѣвѣ уже почти шесть часовъ. Его мучила жажда, самое мучительное состояніе на крестѣ, и потому Онъ воскликнулъ: „Жажду!..“ Будь это сказано нѣсколькими часами раньше, оно вызвало бы

только насмѣшки, но теперь, когда наступившая внезапно среди бѣла дня тьма произвела на всѣхъ удручающее впечатлѣніе, страхъ, обкружающіе стали человѣчнѣе и Ему подали губку, обмакнутую въ напитокъ, который пили солдаты.

Послѣ сего пришелъ и конецъ земной жизни Христа:

„Отче, въ руки Твои предаю Духъ мой“, громко сказалъ Онъ и закончилъ: „Совершилось“! Глава упала на грудь, и жизнь прекратилась. Святая, непорочная жизнь...

Н. Зенинъ.

Да воскреснетъ Богъ!

О людяхъ, вождяхъ духовныхъ и дѣлахъ ихъ... Иногда кажется, что люди просто напросто сговорились, условились не обращать своего вниманія на тѣ предметы и вопросы, которые могли бы нарушить покой ихъ совѣсти, поколебать установившіяся понятія. Чтобы заслониться отъ больныхъ вопросовъ, терзаній, люди понавыдумали множество увертокъ, ширмочекъ, при помощи которыхъ можно дѣлать видъ, что человѣкъ интересуется чѣмъ-то отвлеченнымъ, возвышеннымъ.

Для упрощенія, чтобы долго не останавливаться надъ тѣмъ или другимъ вопросомъ, люди придумали авторитетъ времени. Если какой-нибудь грѣхъ совершался одинъ разъ, то это будетъ самый ужасный *невиданный* грѣхъ, если же грѣхъ совершался людьми миллионы разъ, то грѣхомъ будетъ не его совершеніе, а несовершеніе грѣха.

Современный человѣкъ умомъ развилъ свою совѣсть, онъ понимаетъ, что на душѣ у него гадко и скверно, что поступки его—языческіе, но противостоятъ не можетъ, и вмѣсто того, чтобы хотя предъ собой сознаться въ этомъ, онъ строитъ длинную лѣстницу изъ маленькихъ нравственныхъ компромиссовъ, при помощи которой доходитъ до такихъ поступковъ и рѣшеній, до которыхъ непосредственно онъ не рѣшился бы опуститься.

Мы человѣческимъ инстинктомъ чувствуемъ себя виноватыми предъ нашей душой, и мы стараемся рѣже заглядывать туда, мы не пускаемъ туда никого, какъ въ неприбранное жилище. Мы стыдимся души нашей, но не желаемъ сознаться въ этомъ. Мы ревниво оберегаемъ свою личность отъ какихъ-либо воздѣйствій, мы съ полнымъ сознаниемъ своей правоты изъяли нашъ внутренній міръ отъ посторонней критики и сами въ него не заглядываемъ.

Личное развитіе, самоусовершенствованіе, улучшеніе души нашей, развитіе ея способностей—вѣдь это все дикія слова для большинства, и подавляющаго большинства людей ХХ вѣка.

Нѣтъ! На нашемъ знамени другія слова; въ лучшемъ случаѣ, это—общественность, понимаемая, впрочемъ, весьма различно, чаще же всего

Комментарии

От Гефсиманского сада до Голгофы

Впервые опубликовано: Старообрядческая мысль. 1914. № 4. С. 333–346. Статья выходила в номере, приуроченном к Пасхе, представляет собой пересказ евангельских событий.

... отправить Христа к Ироду Антипе, четверовластнику Галилеи ... Ирод Антипа – правитель Галилеи и Перее с 4 года до н.э. по 39 год н.э., сын царя Ирода Великого, по завещанию которого Иудея после его смерти была разделена между тремя его сыновьями: Архелаем, Филиппом и Антипой. Архелай должен был наследовать царский титул, на который претендовал и Антипа. Римский император Август, который утверждал назначение, предоставил Архелаю половину царства, обещав возвести его в царский сан, как скоро он покажет себя этого достойным. По свидетельству историка Иосифа Флавия, вторую половину он разделил на две части, которые предоставил двум другим сыновьям Ирода. Антипа получил титул тетраха. Тетрархия – форма правительства с четырьмя равноправными властителями (четверовластие). Единственный из евангелистов, кто упоминает о встрече Ирода Антипы с Христом – Лука. Когда Христос был арестован, Пилат, «узнав, что Он из области Иродовой, послал Его к Ироду, который в эти дни был также в Иерусалиме. Ирод, увидев Иисуса, очень обрадовался, ибо давно желал видеть Его, потому что много слышал о Нем, и надеялся увидеть от Него какое-нибудь чудо, и предлагал Ему многие вопросы, но Он ничего не отвечал ему. Первосвященники же и книжники стояли и обвиняли Его. Но Ирод со своими воинами, уничивив Его и насмеявшись над Ним, одел Его в светлую одежду и отослал обратно к Пилату» (Лк. 23: 6–12). Лука пишет, что это привело к улучшению прежде враждебных отношений между Пилатом и Иродом и дало Пилату возможность заявить: «... и Ирод также, ибо я посылаю Его к нему; и ничего не найдено в Нем достойного смерти; итак, наказав Его, отпущу».

... основываясь на тогдашнем толковании гл. XXXI ст. 6–7 притчей, давали казненному немедленно по распятии глоток вина ... имеются в виду следующие слова из Книги Притчей Соломоновых: «Не царям, Лемуил, не царям пить вино, и не князьям - сикеру, чтобы, напившись, они не забыли закона и не превратили суда всех угнетаемых. Дайте сикеру погибающему и вино огорченному душею; пусть он выпьет и забудет бедность свою и не вспомнит больше о своем страдании» (Пр. 31: 4–7)..

... преемники мятежных неистовств Иуды Гавлонита ... Гавлонит – уроженец провинции Гавлонитида, входившей в состав тетрархии сына Ирода Великого, Филиппа. Иуда Гавлонит (он же «Иуда Галилеянин») – организатор восстания против римлян. Первый прокуратор Иудеи Копоний по распоряжению начал перепись, чтобы установить размер дани, налагаемой на иудеев, что стало поводом для мятежа. Иуда Гавлонит и его приверженцы считали, что Израиль не должен признавать никакой земной власти и только Бог может царствовать над ним. Сторонников Иуды называли канаитами, по-гречески зелотами, то есть «ревнителями».

Кандидат филологических наук В.В. Боченков